
Там, где хороший махоль: особенности расселения и мобильности сообществ мусульман Северной Индии

АНАСТАСИЯ В. КИНЯЕВА

Рекомендация для цитирования:

Киняева А.В. Там, где хороший махоль: особенности расселения и мобильности сообществ мусульман Северной Индии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 3 (43). С. 173–198.

For citations:

Kinyaeva, A.V. (2025) “A Place where “mahol” is Right: The Impact of Religious Practices on the Settlement and Mobility of Muslim Communities in Northern India”, *Gosudarstvo, religiia, tservkov' v Rossii i za rubezhom* 3 (43): 173–198.

Поступила в редакцию: 12.05.2025; прошла рецензирование: 28.07.2025; принята в печать: 20.08.2025.

Received: 12.05.2025; Revised: 28.07.2025; Accepted for publication: 20.08.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия). avkinyaeva@gmail.com

Индия является третьей в мире страной по численности мусульманского населения, причем большая его часть – это потомки принявших ислам коренных жителей¹. Тем не менее прослеживается неравномерность расселения мусульман в Индии, причем не только на региональном (что обусловлено исторически), но и на локальном уровне: в городах и деревнях со значительным процентом мусульманского населения имеются обособленные районы, в которых проживают различные мусульманские сообщества. В настоящей статье, основанной на полевых этнографических исследованиях автора в Северной Индии (в частности, в городах Алигарх, Дели, Агра, Сикри, Фатехпур-Сикри, Лакхнау, Дева-Шариф) в 2023 и 2024 годах, рассматриваются особенности расселения и мобильности локальных сообществ индийских мусульман. Исследуются обусловленные религией стратегии выбора подходящего места для проживания и особенности религиозных локусов, которые, предположительно, наравне с социально-политическими причинами очерчивают территориальные границы этих сообществ.

Ключевые слова: мусульманские сообщества, Индия, ислам, гетто, религиозные практики

¹ См.: Котин И.Ю. Ислам в Южной Азии. Мечом и молитвой. СПб.: Петербургское востоковедение – Азбука, 2005.

A Place where “*Mahol*” is Right: The Impact of Religious Practices on the Settlement and Mobility of Muslim Communities in Northern India

Anastasia V. Kinyaeva

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science (Moscow, Russia). avkinyaeva@gmail.com

India is the country with the third largest Muslim population in the world, and most of this Muslim population can be called indigenous. However, the uneven distribution of Muslims in India is not only visible at the regional level (which has a historical explanation), but it is also prominent on the local level: in cities and villages with a significant percentage of the Muslim population, one can see separate clusters and districts where various Muslim communities live. In our article, based on the field observations made in Northern India (in Aligarh, Delhi, Agra, Sikri, Fatehpur Sikri, Lucknow, Dawa Sharif) 2023 and 2024, we will examine the settlement and mobility patterns of local communities of Indian Muslims and focus on religiously conditioned strategies for choosing a suitable place to live and the characteristics of religious locations, which, as we suggest, define, along with socio-political reasons, the territorial coun daries of the communities.

Keywords: Muslim communities, India, Islam, ghetto, religious practices

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24–28–00439 «Глубинная Индия накануне больших перемен: этнографические наблюдения в ходе индо-советских экспедиций 1970–1980-х годов и современный взгляд», <https://rscf.ru/project/24-28-00439/>

This research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24–28–00439, “Indigenous India on the eve of great changes: ethnographic observations during the Indo-Soviet expeditions of the 1970–80th, and contemporary outlook”. <https://rscf.ru/project/24-28-00439/>

В НАСТОЯЩЕЕ время мусульмане формально являются одним из религиозных меньшинств Индии и составляют 14,2%² населения. Однако в абсолютных цифрах 172,2 тысячи мусульман, проживающих на территории страны, делают ее третьей в мире по числу мусульманского населения³. Несмотря на историческую принадлежность ряда мусульман к правящим

² Данные переписи населения Индии за 2011 год. Перепись населения Индии 2011 год [<https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables#>, доступ от 01.04.2025].

³ World Population Review приводит цифру в 200 000 000 человек, что составляет 14,6% от популяции Индии. World Population Review [<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country>, доступ от 09.08.2025].

элитам в отдельных регионах Южной Азии, мусульманские сообщества Индии сегодня по многим параметрам (таким как уровень грамотности и экономические показатели) могут быть отнесены к отстающим классам⁴. Некоторые группы, такие как намашудра Северной Бенгалии, среди которых немало мусульман, включены в число «прочих отстающих классов» (Other Backward Classes)⁵. Французские политологи, специализирующиеся на Южной Азии, Кристофф Джефферлот и Лоран Гае⁶, выделяют ряд причин, способствовавших ухудшению положения индийских мусульман, среди которых — разрушение экономических ниш и связей в результате колониальной политики Британии, возросшее после раздела Индии и Пакистана индуистско-мусульманское напряжение, столкновения и беспорядки, подорвавшие мир и стабильность в районах совместного проживания мусульман и индуистов. Современные политические тенденции, поддерживающие индуистский национализм и «шафранизацию»⁷ публичной сферы, способствуют определенной маргинализации сообществ индийских мусульман. Нередко конструируемый в рамках риторики индуистского национализма образ мусульманина как «иного» ведет не только к отторжению их со стороны индуистского большинства, но и к стремлению мусульманских сообществ обособиться, найти или создать место для жизни в соответствии со своими ритуальными практиками, традициями и культурой.

Отчасти в силу исторических причин, отчасти в результате массовых миграций, последовавших за разделом Индии и Пакистана, индийские мусульмане расселены неравномерно: штаты с наибольшим процентом мусульманского населения — это Кашмир (68,31%), Уттар-Прадеш (19,26%), Западная Бенгалия

⁴ Подробнее см. в: Gayer, L., Jaffrelot, C. (2011) “Introduction: Muslims of the Indian City. From Centrality to Marginality”, in Ch. Jaffrelot, L. Gayer (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 1–22. New York: Columbia University Press.

⁵ OBC (Other Backward Classes), или «прочие отстающие классы», — собирательный термин, используемый в Индии для классификации сообществ, которые «отстают» в социальном плане или в плане образования. «Прочие», так как среди «отстающих классов» есть отдельные категории — «Список зарегистрированных каст» и «Список зарегистрированных племен», для которых существуют различные льготы, направленные на улучшение их положения.

⁶ Ibid.

⁷ Термин, употребляемый для обозначения политики правых партий, направленной на внедрение индуистских националистических взглядов в противовес общепринятому дискурсу, например в школьных учебниках, в популярной культуре и науке.

(27,01%) и Бихар (16,87%). Три из них, кроме Западной Бенгалии на востоке страны, граничащей с Бангладеш, находятся в Северной Индии. Внутри штатов также можно выделить отдельные центры проживания мусульман. Так, в штате Уттар-Прадеш в отдельных районах, например в Рампуре, мусульмане составляют до 50% жителей, а в крупном районе Баллиа этот показатель не превышает 7%⁸.

Неравномерность расселения сохраняется и на уровне городов, где большая часть мусульман, как правило, проживают в обособленных районах. Подобные тенденции привлекают внимание антропологов и политологов, изучающих феномен «геттоизации» индийских мусульман⁹. Можно рассматривать этот процесс как с точки зрения внешних факторов, так и через исследование внутренних причин, толкающих мусульманские сообщества к территориальному обособлению и внутренней консолидации.

Среди основных факторов можно выделить как внутренние социокультурные причины — такие как стремление самих мусульман к сохранению районов традиционного проживания, миграции по принципу принадлежности к тому или иному мусульманскому сообществу по региональному признаку, языку, дениминации внутри ислама, так и внешние — нередкое нежелание арендодателей-индуистов сдавать жилье мусульманам, отсутствие гарантий безопасности и защищенности в случаях межобщинного насилия, отсутствие возможности свободно практиковать свою религию. Отдельные исследования подчеркивают, что в первую очередь именно ощущение враждебности и потенциальной опасности в немусульманских районах останавливает мусульман от того, чтобы селиться в них¹⁰. Помимо перечисленных факторов, отдельно стоит выделить желание индийских мусульман сохранять свой особый образ жизни, традиции и религиозные практики¹¹.

⁸ Данные переписи населения Индии за 2011 год. Перепись населения Индии 2011 год [https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables#], доступ от 01.04.2025.

⁹ К таким исследователям можно отнести Кальяни Менон, Кристофа Джейферлот, Лорана Гае и т. д.

¹⁰ Подобный опыт описывается в: Menon, K. D. (2022) *Making Place for Muslims in Contemporary India*. India: HarperCollins.

¹¹ Такое расселение сообществ отдельными анклавами-колониями в целом характерно для Индии.

Описывая позитивные причины, удерживающие их в рамках отдельных районов, мусульмане используют фразу «махоль тхик хай», что можно перевести как «здесь правильное состояние/положение дел»¹². Само слово *махоль* при этом означает состояние, атмосферу. Анализируя внутренние драйверы появления мусульманских кластеров, специализирующийся на полевых исследованиях в Индии и Пакистане французский политолог Лоран Гаэ пишет:

... процитирую молодого декоратора интерьера, который раньше жил в смешанном районе и терпеть не мог проходить несколько километров, чтобы совершить намаз. Если эти молодые успешные мусульмане подчеркивали, что они могут более свободно исповедовать свою религию в Абуль-Фазль-Анклав [район в Дели], это не значит, что они изолированы от остальной части города. Наоборот, молодые слои местного мусульманского среднего класса, похоже, больше взаимодействуют с немусульманами, по крайней мере в профессиональной сфере, чем старшие поколения. И именно эта более высокая степень взаимодействия, похоже, питает желание перспективных мусульманских профессионалов защищать свою «культуру» (*tehrīzib*) в своей жилой среде¹³.

Так как же связан мусульманский *махоль* (особая атмосфера и обстановка) с пространством и есть ли какие-то специфические локусы¹⁴, способствующие его созданию и воспроизведению? В этой статье я сфокусируюсь на сообществах мусульман Северной Индии. Я попытаюсь выделить основные локусы, связанные с культурными и религиозными практиками мусульман, рядом с которыми наблюдается концентрация мусульманских сообществ. Также я рассмотрю, какое влияние такие особые локусы оказывают на стратегию расселения мусульманских сообществ. В этом исследовании я буду опираться на полевые материалы, собранные в рамках экспедиций, проходивших в Северной Индии

¹² ПМА, июль-август 2023 года, Дели.

¹³ Gayer, L. (2011) “Safe and Sound: Searching for a ‘Good Environment’ in Abul Fazl Enclave, Delhi”, in Ch. Jaffrelot, L. Gayer (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 213–236. New York: Columbia University Press.

¹⁴ Понятие «локус» в данной статье употребляется в значении некоего ограниченного пространства и связанного с ним социального концепта.

в 2023 и 2024 годах, а также на этнографический материал более ранних исследований.

Разделение в обществе и пространстве

Во время путешествия по Индии невооруженным взглядом можно заметить конфессиональную, этническую, социальную неоднородность индийских городов: даже близко соседствующие районы города могут разительно отличаться по достатку, в них могут говорить на разных языках, в отдельных районах могут проживать люди определенных этнических групп, каст и других сообществ¹⁵. Легко отличить от прочих и мусульманские районы, часто густонаселенные, со своими рынками и лавками, в которых продают мясо, в основном козлятину и кур, и где женщины, как правило, покрыты платками или носят никаб, мужчины часто носят бороды и традиционную одежду — белые *курта-паджама*¹⁶. Однако и мусульманские районы очень различаются между собой.

Индийское общество неоднородно и социально стратифицировано: кастовая система подразумевает разделение по роду занятий, происхождению и социальному положению¹⁷. Похожая дифференциация на «касты» и отдельные группы по происхождению и роду занятий также характерна и для мусульманских сообществ Индии. Одна из разделительных линий — принадлежность к тому или иному течению ислама. Среди мусульман Индии около 10% составляют шииты¹⁸, среди суннитов наиболее крупные деноминации это Деобандия, Барельви, Ахль-е-хадис. Отдельно стоит выделить мусульман, причисляющих себя к последователям тех или иных суфийских орденов, точное число которых в Индии, вероятно, исчисляется десятками.

По своему происхождению индийские мусульмане также отличаются между собой, выделяют две крупные группы. Се-

¹⁵ Район Дели Маджну Ка Тилла, к примеру, известен как тибетский район. Поселение локальными колониями в целом характерно и для выходцев из разных регионов Индии.

¹⁶ Длинная рубашка с разрезами по бокам и широкие штаны.

¹⁷ Подробнее о кастовом устройстве см. в: Дюмон Л. *Nomo hierarchicus: опыт описания системы каст* / пер. с фр. СПб.: Евразия, 2001.

¹⁸ Pew Research Center (2009) “Estimated Percentage Range of Shia by Country” [<https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2009/10/Shiarange.pdf>, accessed on 01.04.2025].

мыи, принадлежащие к потомкам мусульман, иммигрировавшим в Индию в различное время из Ирана, Афганистана, Ближнего Востока, называют *ашраф* (благородные); к этой же группе относят потомков новообращенных индийских мусульман из высших каст индуистов, например кшатриев. К прочим относятся *аджлаф* (простолюдины) — потомки и семьи новообращенных мусульман, среди которых представители различных южноазиатских этнических групп, профессий и каст, в частностиdalиты¹⁹. В процессе обращения местные жители часто переходили в ислам целыми сообществами, как, например, это произошло с так называемыми *мираси*²⁰.

Важно отметить, что, хотя семьи моих информантов, ведущие родословную из Ирана и других стран мусульманского большинства, с гордостью упоминали о своем заграничном происхождении и подчеркивали свои связи с мусульманским сообществом вне Индии, разделение на *ашраф* и *аджлаф* и в социальном, и в экономическом плане накладывает меньше ограничений на мусульман, нежели кастовая система у индуистов, и не является серьезным препятствием для социальной мобильности. Помимо наблюдений, сделанных в экспедициях, на это же указывают и другие исследования²¹. Кроме гордости за свое происхождение, мои информанты также демонстрировали гордость и за свою «индийскость» и подчеркивали преимущества индийских обычая перед таковыми в тех странах, откуда происходят их семьи. Так, шииты Лакхнау, с которыми нам посчастливилось общаться, независимо от своего происхождения и опыта международных поездок считали поминальные традиции ашуры, практикуемые в Лакхнау, в наиболее полной мере выражавшими скорбь, характерную для этого периода²².

Традиционная неоднородность индийского общества нашла отражение в устройстве городов и поселений, отличающихся наличием «зонирования» мест проживания представителей раз-

¹⁹ Подробнее см. в: Gayer, L., Jaffrelot, C. “Introduction: Muslims of the Indian City. From Centrality to Marginality”.

²⁰ Термин объединяет ряд сообществ наследственных певцов и сказителей, проживающих на территории Северной Индии и Пакистана. Преимущественно современные *мираси* — потомки обращенных мусульман.

²¹ ПМА, июль-август 2023 года, Лакхнау. Gayer, L., Jaffrelot, C. “Introduction: Muslims of the Indian City. From Centrality to Marginality”.

²² Помимо прочего, предметом гордости была продолжительность поминовений. В Индии, в частности в Лакхнау, период скорби 68 дней, а в Иране — 40.

личных каст и сообществ в зависимости от рода занятий и статуса ритуальной чистоты. Нужно отметить, что в риторике некоторых индуистов мусульманские районы иногда называются «грязными» и вызывают неприязнь не только из-за более низкого уровня санитарии часто в результате недостаточной работы коммунальных служб, отсутствия благоустройства и высокой плотности населения таких районов, но и по религиозным причинам²³. Употребляющие мясо мусульмане являются ритуально «нечистыми» с точки зрения многих индуистов, и мусульманские мясные лавки (хотя мясные лавки бывают не только мусульманскими), и рынки могут вызывать негативные чувства у индуистов как нечто низменное²⁴.

Хинду и мусульмане: шафрановый и зеленый

С приходом к власти династии Моголов (1526–1857 гг.) принесенная ими модель мусульманского города с районами (*мохалла*), где селятся люди определенного рода занятий, органично встроилась в уже существовавшие паттерны организации поселений. Тем не менее повсеместно распространенный культурный индо-мусульманский синкретизм способствовал размыванию межрелигиозных барьеров в публичном пространстве²⁵.

Современные города Индии зачастую представляют собой сложные лабиринты из старых и новых районов, где историческое прошлое и традиционные сообщества тесно переплетены с индустриальной современностью. Многие районы, процветавшие во времена мусульманских правителей²⁶, постепенно утратили свой прежний статус, оказались изолированными, окружеными стремительно разрастающимися современными застройками. Антрополог религии Кальяни Менон отмечает явную тенденцию к исламизации некогда смешанных районов мусульманского большинства за счет оттока из них немусульманского населения

²³ Имеется в виду «ритуальная нечистота», связанная с употреблением мусульманами мяса.

²⁴ ПМА, июль-август 2023 г., Дели.

²⁵ Gayer, L., Jaffrelot, C. “Introduction: Muslims of the Indian City. From Centrality to Marginality”.

²⁶ Как пример, см. историю Шахджаханабада в: Menon, K.D. (2022) *Making Place for Muslims in Contemporary India*, pp. 5–12. India: HarperCollins.

и притока мусульман²⁷. Процесс разделения сообществ, усилившийся после раздела Индии, сопровождался возникновением в городах мусульманского меньшинства новых, преимущественно мусульманских районов, таких как Джамия-Нагар в Дели, Сэр-Сайд-Нагар в Алигархе и Али Колони в Лакхнау.

Процессы территориального разделения связаны с разделением идеологическим. Создание новой идентичности в постколониальный период привело к необходимости переосмысления своей истории и тех мест, которые хранят ее²⁸. Разумеется, напряженность между мусульманами и индуистами появилась не в момент раздела Индии, но именно сопровождавшие его события ускорили переход конфликта в открытую фазу противостояния²⁹, например кровавые столкновения в Бомбее в 1893 году. Основанием для первого из них по основной версии стало противодействие мусульман движению за защиту коров, требовавшему запретить убой животных. В дальнейшем серия столкновений, продолжившихся вплоть до раздела Индии и после него, сопровождалась не только конфликтами на почве убоя коров и других животных представителями мусульманских сообществ, но и протестами против исполнения музыки и шествий индуистских процессий вблизи мечетей³⁰.

Одним из ключевых событий уже в современной Индии, ярко иллюстрирующих сложные и порой трагические конфликты между индуистами и мусульманами, стал инцидент с мечетью Бабри в Айодхье. Эта мечеть, построенная военачальником Великих Моголов Миром Баки в XVI веке, на протяжении долгого времени была в центре политических споров и судебных тяжб, корни которых уходят далеко в прошлое. Индуисты утверждали, что мечеть построена на месте, где располагался храм, посвященный Раме, и требовали его восстановления. 6 декабря 1992 года события

²⁷ Menon, K.D. (2022) *Making Place for Muslims in Contemporary India*. India: HarperCollins.

²⁸ Такие «битвы за историю» в идеологическом поле см.: Ванчина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014, также об исторической коллективной памяти в Индии см.: Каракова Е.Ю. Диалоги с прошлым. Этноистория раджпутского княжества. М.: Изд-во «Совпадение», 2013.

²⁹ По оценкам разных исследователей, количество погибших в результате раздела исчисляется сотнями тысяч, а число потерявших свой дом — на десятки миллионов.

³⁰ Menon, M. (2010) “Chronicle of Communal Riots in Bombay Presidency (1893–1945)”, *Economic and Political Weekly* 45 (47): 63–72.

приняли катастрофический оборот. Огромная толпа, насчитывающая по некоторым оценкам до 150 тысяч человек, разрушила мечеть³¹. Митинг, запланированный как мирная акция, превратился в массовые беспорядки. Этот инцидент не только продемонстрировал нарастающее напряжение между двумя религиозными общинами, но и подчеркнул огромное значение сакральной топографии как для индуистов, так и для мусульман.

Разрушение мечети углубило раскол в индийском обществе и стало прецедентом для последующих аналогичных конфликтов. К примеру, мечеть Гьянвапи, которая тоже находится в штате Уттар-Прадеш в священном для индуистов городе Варанаси (в непосредственной близости от крупного индуистского храма — Вишванатха), после длительных судебных тяжб была передана в частичное пользование истцам-индуистам, так как 31 января 2024 года гражданский суд разрешил использовать подвал мечети для индуистских служб³². Основанием для тяжб также стало то, что мечеть была предположительно построена на месте разрушенного индуистского храма³³.

В настоящее время возможностей для территориальных споров становится все больше. Вступившая в силу 8 апреля 2025 года поправка к Закону о вакфе³⁴ (The Waqf (Amendment) Act) вносит изменения в Закон о вакфе от 1995 года и, помимо прочего, обязывает правления вакфов³⁵ предоставить действительные документы для признания собственности как вакфа. В случае возникновения споров, особенно по поводу земли, считающейся государственной собственностью, окончательное решение будет принимать правительство. Этот законопроект также предлагает

³¹ Tully, M. (2002) “Tearing down the Babri Masjid”, BBC News, December 5 [https://web.archive.org/web/20100927032603/http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/2528025.stm, accessed on 01.04.2025].

³² Rashid, O. (2024) “A Day Before Retiring, Varanasi Judge Hands Over Gyanvapi Masjid Basement to Hindus For Worship”, *The Wire*, January 31 [<https://thewire.in/religion/judge-hands-over-gyanvapi-basement-to-hindus>, accessed on 11.04.2025].

³³ Другие резонансные случаи в: Balasubramanian, S. (2025) “Battleground religion: India’s many mandir-masjid disputes”, Indiatoday, April 2 [<https://www.indiatoday.in/india-today-insight/story/battleground-religion-indias-many-mandir-masjid-disputes-2702918-2025-04-02>, accessed on 11.04.2025].

³⁴ В соответствии с исламским правом вакф — это неотчуждаемое благотворительное пожертвование. Обычно оно включает в себя пожертвование здания, участка земли или других активов для мусульманских религиозных или благотворительных целей.

³⁵ Комитеты, управляющие вакфами.

централизованную систему регистрации для всех объектов вакфа в течение шести месяцев с момента вступления закона в силу³⁶. Именно на землях, переданных в дар как вакф, как правило, располагаются мечети, медресе, кладбища и другие религиозные и социально значимые постройки. Исторически для передачи земли в вакф не требовалось специальных документов, достаточно было устного заявления, в дальнейшем такие земли были узаконены как вакф в силу постоянного использования мусульманскими сообществами. В свете этих обстоятельств требование о предоставлении документов и регистрации в рамках новой поправки ставит в уязвимое положение многие важные для мусульман постройки. И хотя эта поправка будет оспариваться, такие законодательные тенденции создают почву для новых религиозно окрашенных конфликтов и борьбы за территорию.

Интересно, что существуют и примеры мирного сосуществования, и в том числе синкретизма индуистских и мусульманских верований и практик. Так, например, совместное использование мусульманами и индуистами гробниц мусульманских святых³⁷ и существование синкретических культов свидетельствуют о возможности гармоничных взаимоотношений. Хотя посещение гробниц мусульманских святых открыто для всех, независимо от вероисповедания, для мусульман эти места имеют не только религиозное, но и социокультурное значение, являясь центрами общинной жизни и местами памяти³⁸.

Локусы и их люди

В рамках статьи не представляется возможным описать всю религиозную топографию мусульманских сообществ в полной мере, ведь не все сообщества мусульман Северной Индии тяготеют к одним и тем же локусам. Представители различных течений ислама могут иметь отдельные мечети, кладбища, образователь-

³⁶ Mollan, C. "Waqf Bill: India's parliament passes Muslim land bill after fierce debates", BBC News, Mumbai, April 4 [<https://www.bbc.com/news/articles/cwyn87ly1pqo>, accessed on 11.04.2025].

³⁷ Подобный случай описан в: Yoginder, S. (2004) "Shared Hindu-Muslim Shrines in Karnataka: Challenges to Liminality", in I. Ahmad, H. Reifeld (eds.) *Lived Islam in South Asia: Adaptation, Accommodation and Conflict*, pp. 166–186. Delhi: Social Science Press.

³⁸ Подробнее о культе мусульманских святых см. в: Суворова А.А. Мусульманские святыни Южной Азии XI–XV веков. М.: Изд-во ИВ РАН, 1999.

ные учреждения, могут посещать гробницы святых либо не посещать их вовсе. Однако, несмотря на все разнообразие мусульманских практик на территории Индии, я предлагаю ключевые, на мой взгляд, виды локусов, которые были выделены на основе полевых материалов, полученных в Северной Индии. В данной статье мы остановимся как на наиболее универсальных точках притяжения мусульман (мечети, исламские образовательные учреждения, кладбища), так и на некоторых местах, связанных с особыми практиками почитания, такими как гробницы святых и шиитские имамбары. Важно оговориться, что упомянутые локусы часто, но не всегда, могут соединяться и перетекать друг в друга. Тем не менее, несмотря на наличие закономерностей, нельзя говорить о единой системе организации и взаиморасположения относительно друг друга. Особенно с учетом того, что городской ландшафт может перестраиваться вокруг стен исторических построек.

Из всех вышеперечисленных локусов на первом месте по значимости для мусульман, несомненно, находятся мечети. Сообщества индийских мусульман, принадлежащие различным течениям ислама, как правило, совершают намаз в разных мечетях, хотя, разумеется, не обходится без исключений. Наиболее заметно разделение на суннитские и шиитские мечети, среди суннитов также выделяются обособленные общины. Существование раздельных мечетей не всегда сигнализирует о межобщинном напряжении или ведет к нему, пример добрососедских отношений приводит Лоран Гае, описывая положение дел в Джамия-Нагаре, Нью-Дели:

Сам деобандийский суннит, Вали-джи, не чувствует себя неловко из-за конфессионального разнообразия, которое преобладает в Абуль-Фазль-Анклав. Конфессиональная напряженность не ощущается в этническом районе, где мирно сосуществуют мечети и медресе деноминаций Деобанди, Ахле-Хадис, Таблиги³⁹, Джамаати и шиитские мечети и медресе. Так, директор крупнейшего шиитского медресе в Абуль-Фазль-Анклав, Джамия Ахл-э-Бейт, рассказал мне о своей «дружбе» (дости) с Таблигами, управляющими соседним женским колледжем Заида. Чтобы подчеркнуть это,

³⁹ Организация «Таблиги джамаат» запрещена на территории Российской Федерации.

он рассказал мне, как во время отключения электроэнергии Таблиги однажды предложили шиитской конгрегации использовать свой генератор, чтобы они могли завершить свой маджлис в лучших условиях⁴⁰.

Мечети — важные центры консолидации мусульманской общины. При этом сами здания мечетей не имеют специфической привязки к конкретным сообществам, к примеру, при миграции и переселении мусульманских сообществ внутри одного города суннитские мечети могут переходить в использование шиитов, и наоборот⁴¹. Само по себе наличие мечетей в непосредственной близости от места проживания имеет важное значение для каждого мусульманина, тем более что исторически мечети часто являются частью более сложных архитектурных комплексов: они могут соединяться с гробницами, кладбищами, медресе. Как показывает конфликт вокруг мечети Бабри и другие подобные инциденты, мечети становятся в прямом и переносном смысле слова полем боя — символического, политического, а подчас и реального. Учитывая часто встречающуюся близость мусульманских поселений к крупным мечетям, построенным в доколониальные времена, потенциальную потерю возможности читать намаз в центре своих *мохалла* можно приравнять к потере «своего места». Наличие мечетей, в том числе и новых, как было упомянуто в предыдущем параграфе, влияет и на выбор места поселения мусульманской работающей молодежи.

Другим локусом, притягивающим к себе молодых индийских мусульман и их семьи, являются образовательные учреждения. Традиционные мусульманские религиозные школы и институты — медресе — можно встретить во многих городах Индии. Медресе может быть небольшим и находиться при мечети или в частном доме, а может быть и полноценным отдельным локусом. Несмотря на то что невысокий уровень грамотности индийских мусульман⁴² иногда связывают с тем, что мусульмане яко-

⁴⁰ Gayer, L. "Safe and Sound: Searching for a 'Good Environment' in Abul Fazl Enclave, Delhi".

⁴¹ Verniers, G. (2011) "A Minority within a Minority: the Shias of Kashmiri Mohalla, Lucknow" in Ch. Jaffrelot and L. Gayer (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 105–128. New York: Columbia University Press.

⁴² 67,6% у мужчин, что лишь на один процент выше чем у неприкасаемых, и 50,1% у женщин, что лишь на три процента ниже, чем у индуисток: Ministry of Minority Affairs (2007) "Report of the National Commission for Religious and Linguistic

бы в массе своей предпочитают обучение в медресе стандартному образованию, процент мусульман, фактически получающих образование в медресе, невысок, еще меньший процент посещают медресе как единственное образовательное учреждение⁴³. Современные медресе к тому же часто предлагают учащимся, помимо специальных религиозных предметов, связанных с изучением Корана и исламских традиций (изучение подобных дисциплин часто связано не с карьерными амбициями, а с желанием родителей привить своему ребенку знание *адаба* — «культуры», «этикета» мусульманского сообщества), и возможность изучения общеобразовательных предметов. Большая часть медресе принимают исключительно учеников мужского пола, однако есть отдельные медресе и для девушек⁴⁴. В рамках медресе можно получать, в том числе, и высшее образование.

Одно из крупнейших медресе в мире — Дар уль-Улюм Деобанд, основанное в городе Деобанд в 1866 году, широко известно благодаря своему статусу родины деобандизма — ревайвалистского движения в рамках ханафитского мазхаба. Политическое и идеологическое влияние деобандизма и его радикализированной версии — деобандийского джихадизма сыграло огромную роль в формировании современного политического ландшафта Южной Азии. Движение деобанди распространялось, в том числе, благодаря выпускникам медресе и связанным с ним организациям, таким как индийская исламская общественная организация Джамиат Улема-и-Хинд и запрещенная в России Джамаат Таблиг и некоторым другим⁴⁵. Как образовательное учреждение, Дар-уль-Улюм представляет собой медресе, где обучаются студенты возрастом от шести лет. Помимо изучения исламских наук, являющихся основным фокусом, в Дар-уль-Улюм представлены также курсы по журналистике, английскому языку и некоторые другие. Широко известное в мусульманском мире учебное заведение каждый год привлекает в город потенциальных преподава-

Minorities” [<https://minorityaffairs.gov.in/WriteReadData/RTF1984/1658830363.pdf>, accessed on 11.04.2025].

⁴³ В статье Gayer, L., Jaffrelot, C. “Introduction: Muslims of the Indian City. From Centrality to Marginality” приводятся данные, по которым лишь 4% мусульман, получающих образование, обучаются в медресе.

⁴⁴ ПМА, ноябрь 2024 года, Деобанд.

⁴⁵ Hashmi, A.S. (2016) “Historical Roots of the Deobandi Version of Jihadism and Its Implications for Violence in Pakistan”, in J. Syed, E. Pio, T. Kamran, A. Zaidi (eds) *Faith-Based Violence and Deobandi Militancy in Pakistan*, p. 139. Palgrave Macmillan.

телей и студентов с их семьями. По данным переписи 2011 года, более 70% населения города Деобанд — мусульмане. Благодаря медресе в город стекаются не только мусульмане из локальных сообществ, но и иностранцы, в Дар-уль-Улюм учатся также и студенты из Афганистана, стран Ближнего Востока, стран Африки.

Помимо медресе, существует и ряд светских общеобразовательных высших учебных заведений, культурно и исторически связанных с мусульманскими сообществами. Наиболее крупные и именитые в Северной Индии — Джамия Миллия Исламия в Дели и Алигархский мусульманский университет⁴⁶. Приведенные выше учебные заведения инклюзивны и принимают абитуриентов независимо от вероисповедания⁴⁷.

Крупные вузы имеют тенденцию обрастиать ориентированной на студентов и преподавателей инфраструктурой: жилье под съем, хостелы, магазины и т. д. Несмотря на инклюзивность и светский статус, и в случае Джамии, и в случае Алигархского университета, рядом с ними существуют отдельные районы, населенные преимущественно студентами и преподавателями-мусульманами. Район Джамия-Нагар в Нью-Дели включает в себя ряд таких мусульманских *мохалла*, студенты и преподаватели других вероисповеданий селятся в отдельных, других религиозных кластерах. Как упоминалось ранее, возможность снять жилье у того или иного арендодателя часто напрямую связана с вероисповеданием арендодателя и съемщика. Так, во время своего обучения в Джамии в 2012–2014 годах автор настоящей статьи снимала жилье у семьи индуистов в христианской *мохалле*, в то время как даже иностранным, но студентам-мусульманам из Узбекистана, Казахстана и Таджикистана, чаще сдавали жилье мусульмане. Окружающие Джамию мусульманские районы сильно различаются по своей зажиточности. Если территорию Батла-Хаус⁴⁸ вполне можно соотнести с представлениями о мусульманском «гетто» — высокая плотность населения, узкие улочки, отсутствие тротуаров, стоков и общего благоустройства, то такие *мохалла*,

⁴⁶ Из высших учебных заведений, связанных с конкретными сообществами мусульман, можно выделить Шия Колледж в Лакхнау, ныне подведомственный Лакхнускому Университету.

⁴⁷ Беспристрастность и, напротив, недостаточная пристрастность при приеме студентов-мусульман часто обсуждается в мусульманских сообществах.

⁴⁸ Район в Джамия-Нагар, где расположен крупный рынок, соседствует с мусульманским кладбищем.

как Абуль-Фазль-Анклав,— это прекрасный пример вполне благоустроенного района, где проживает преимущественно образованный средний класс⁴⁹.

В городе Алигарх район Сэр-Сайд-Нагар — зажиточный и хорошо благоустроенный — прочно ассоциируется с высоко образованной мусульманской элитой и, несмотря на то что является очевидным мусульманским кластером, вряд ли подходит под описание «гетто»⁵⁰. Особенno хорошо это заметно на контрасте с районами старого города, в частности прилегающий к крупному кладбищу и гробнице район Шах-Джамал производит впечатление куда более депрессивное. Специализирующаяся на мусульманских меньшинствах профессор Института политических исследований (Париж) Жюльет Галонье отмечает разницу в уровнях дохода и образования проживающих в этих районах. В то время как Сэр-Сайд-Нагар — пристанище интеллектуальной элиты, жители Шах-Джамал — преимущественно фабричные рабочие со скромным заработком. Несмотря на существование частных образовательных инициатив, таких как Академия Ибн Сина и предположительный фаворитизм студентам-мусульманам при поступлении в Алигархский университет, немногие жители Шах-Джамала находят свой путь в Сэр-Сайд-Нагар⁵¹.

Особая отличительная черта Алигархского района Шах-Джамал — старинное мусульманское кладбище. Кладбища по праву можно назвать еще одним маркером мусульманских районов⁵². В связи с высокой плотностью застройки современных индийских городов и тенденции к поглощению крупными урбанистическими центрами близлежащих деревень мусульманские кладбища, находящиеся в городской черте,— это, как правило, исторические места. Это справедливо и для кладбища в Шах-Джамале, и для

⁴⁹ В настоящий момент вся территория Джамия-Нагар активно благоустраивается, что связано отчасти со строительством станции метрополитена Джамия Миллия Исламия.

⁵⁰ ПМА, ноябрь 2024 г., Алигарх.

⁵¹ Galonnier, J. (2011) “Aligarh: Sir Syed agar and Shah Jamal, Contrasted Tales of a ‘Muslim’ City” in Ch. Jaffrelot, L. Gayer (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 129–158. New York: Columbia University Press.

⁵² В индуистских сообществах, как правило, практикуется кремация, кладбища же используются мусульманами, христианами и некоторыми другими религиозными сообществами. Мусульманские кладбища обычно находятся отдельно от прочих (преимущественно христианских, но бывают и индуистские кладбища), хотя могут быть в непосредственной близости от других погребальных мест. Рядом с кладбищем в Шах Джамал расположен индуистский крематорий.

многочисленных кладбищ в исторической части Дели, и для шиитских кладбищ — которые называются здесь *кербела* — в центре старого Лакхнау. Кладбище в Шах-Джамале, со слов информантов, датируется XIV веком, на кладбище Наби-Карим возле района Пахаргандж в Дели можно найти захоронения XVI века, и это не единичные случаи⁵³.

Несмотря на возраст, все перечисленные кладбища являются действующими, имеют важное ритуальное значение для мусульманских сообществ и, в некотором роде, полны жизни. Среди людей, встречающихся на мусульманских кладбищах, помимо сторожей, смотрителей и прочих работников, часто бывают нищие и люди, ищашие избавления от различных бед путем получения благословения от мусульманских святых.

В мусульманской культуре Индии не приняты пышные надгробия, тем не менее некоторые захоронения имеют особую значимость. Смотрители с легкостью могут рассказать о самых известных личностях, покоящихся на кладбищах, как правило, это придворные, государственные деятели, поэты и святые. Над могилами последних — *мазарами* — часто бывают возведены отдельные постройки гробниц — *даргах*. Часто такие постройки могут быть частью кладбища. Так, например, на кладбище в Алигархе, со слов информантов, помимо самой гробницы Шах Джамал, находится около 17 захоронений, принадлежащих святым различных суфийских орденов. Таким образом, земля кладбища Шах-Джамал привлекает семьи бедствующих и страдающих различными телесными и душевными недугами людей⁵⁴. Примечательно, что часть их остается жить на кладбище под открытым небом и после исцеления или избавления от бед⁵⁵.

Помимо реальных захоронений святых, в Индии широко распространена практика постройки различных кенотафов. Особенно это актуально для шиитских сообществ. В частности, *кербели* в Лакхнау берут свое название от Кербелы в Ираке — места захоронения Имама Хусейна ибн Али и его сподвижников. От прочих кладбищ их отличает то, что, как правило, на них привозят немного земли из самой Кербелы и строят копии находящихся

⁵³ ПМА, ноябрь 2024 г., Алигарх; ПМА, ноябрь 2024 г., Дели; ПМА, июль-август 2023 г., Дели.

⁵⁴ Часто к святым обращаются для избавления от влияния джиннов, которое проявляется симптомами, иногда схожими с психическими заболеваниями.

⁵⁵ ПМА, ноябрь 2024 г., Алигарх.

там мавзолеев. Шиитские кладбища имеют ритуальное значение в рамках поминовений Хусейна, проходящих во время ашуры. В настоящее время в Лакхнау такие мини-гробницы — тазии принято захоранивать на кербеле Талкатора, однако другие источники упоминают о том, что раньше тазии на десятый день пускали в реку⁵⁶. Кербела, таким образом, становится частью сакральной топографии, в финальную часть поминальных процессий, несколько раз проходящих по старому Лакхнау в дни ашуры и символически воссоздающих путь и страдания Хусейна и его сподвижников (ил. 1).

Ил. 1. Ашура в шиитском районе Лакхнау. Фото А. В. Киняевой

⁵⁶ Этот факт упоминается в: Chelkowski, P.J. (2010) “From the Sun-Scorched Desert of Iran to the Beaches of Trinidad: Ta ‘ziyeh’s Journey from Asia to the Caribbean”, in P.J. Chelkowski (ed.) *Eternal Performance: Ta ‘ziyeh and Other Shiite Rituals*, pp. 399–420. Calcutta: Seagull; Hasnain, N. (2016) *The Other Lucknow: An Ethnographic Portrait of a City of Undying Memories and Nostalgia*. India: Vani Prakashan.

Еще один важный локус, связанный с шиитскими сообществами,— имамбара и ее окрестности. Дословно с персидского языка имамбара переводится как «двор имама»; эта постройка служит местом для проведения маджлисов, религиозных собраний шиитов, посвященных, в числе прочего, поминовениям трагической гибели имама Хусейна ибн Али и его сподвижников. Лакхнау долгое время находился под управлением навабов-шиитов, поэтому именно там расположены знаковые имамбары. Помимо двух самых крупных — впечатляющей своими размерами Бара-Имамбары и чуть более скромной Чхота-Имамбары,— в самом сердце города расположены по меньшей мере пятнадцать других крупных имамбар, каждая из которых является важным центром религиозной жизни для местной общины. Имамбара не всегда представляет собой отдельное, специально построенное здание. Часто это пристройка к частному дому, построенная зажиточным владельцем как дань уважения к памяти Хусейна. Такой шаг призван подчеркнуть глубокую личную связь верующих шиитов с их религией и готовность вкладывать значительные средства в создание и поддержание таких мест. Помимо кербел и имамбар, особым местом является Хазрат Аббас Даргах — гробница-кенотаф, где находятся символические могилы некоторых родственников и соратников имама Хусейна. Исторический центр Лакхнау также играет ключевую роль в религиозной жизни шиитской общины. Маджлисы, проводимые в имамбарамах, и многочисленные процесии, проходящие между имамбарами, даргахами и кербелами старого города из года в год, тесно переплетаются с духовной жизнью шиитской общины и городской жизнью всего Лакхнау, вследствие чего старый Лакхнау представляет собой сакральное пространство для шиитского сообщества. В стенах имамбар сохраняются и особые формы ритуальных литературных жанров — такие как *ноха*, *соз*, *марсия*, исполняемые на маджлисах⁵⁷.

Ранее в статье упоминались даргахи, они как особые локусы заслуживают отдельного внимания. Даргахи — уникальное явление Южной Азии, представляющее собой погребальные сооруже-

⁵⁷ Жанры элегической поэзии. Подробнее о ритуалах поминовения в Лакхнау см. в: Киняева А. В. Голос скорби: ноха, соз и марсия во время мухаррама в Лакхнау // Антропология/Anthropologies. 2023. № 2. С. 240–252; Hyder, S. A. (2006) Reliving Karbala: Martyrdom in South Asian Memory. Oxford & New York: Oxford University Press; Суворова А. А. Ностальгия по Лакхнау. М.: АО «Тадем», 1995.

ния, возведенные над могилами (мазар) мусульманских святых, чаще всего суфиев. Название *даргах* происходит от персидского слова, означающего «порог», символизирующего порог между жизнью мирской и вечной. Масштабы даргахов варьируются, это могут быть небольшие надгробия в черте кладбища, либо отдельно стоящие, или внушительных размеров архитектурные комплексы, включающие в себя мечети, трапезные, кельи для паломников, медресе и прочие постройки социального и хозяйственного назначения.

Уникальность даргахов, как социального и культурного феномена, заключается в том, что кульп мусульманских святых, вышедший за пределы мусульманских сообществ, объединяет различные религиозные и социальные группы. Индуисты, буддисты и представители других религиозных деноминаций посещают даргахи, стремясь получить благословение и помочь святым. Некоторые даргахи могут быть даже более популярны у индуистов, чем у мусульман, что иногда приводит к конфликтам из-за контроля и управления этими священными местами. Посещение даргахов — *зиярат* — является широко распространенной практикой, мотивированной верой в чудеса (*карамат*), которые, согласно устным преданиям и агиографиям, совершали эти святые. Паломники стремятся получить благословение, защиту и исцеление, считая, что святость, пронизывающая место захоронения, оказывает целебное и в целом благотворное влияние. Поэтому даргахи являются не просто местами захоронения, но и важными религиозными центрами, привлекающими паломников самых разных вероисповеданий, ищущих духовной поддержки и исцеления. Многие крупные даргахи вследствие своей популярности обрастают инфраструктурой, поддерживающей религиозный туризм. Возле чиштийских⁵⁸ даргахов и даргахов некоторых других орденов, таких как Варси, могут быть расположены рынки, где, помимо цветов и шелковых покрывал, подаваемых в дар святому, продают еду, духи, одежду и любые другие товары. Паломнические центры, точки обмена валют, гостевые дома и другие мелкие частные предприятия, связанные с туризмом, процветают в городах, известных своими даргахами⁵⁹. Город Дева-Шариф недалеко

⁵⁸ Суфийский орден Чиштия. Подробнее о суфийских орденах в Индии, в частности Чиштия, см. в: Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Припарина. М.: Алетейя, Энigma, 1999.

⁵⁹ ПМА, июль-август 2023 года, Дева Шариф.

от Лакхнау получил свой титул Шариф (благородный) благодаря гробнице святого Хаджи Варис Али Шаха. Гробница святого является и основной достопримечательностью, и точкой экономического и религиозного притяжения.

Рядом с даргахами традиционно селятся представители сообществ, связанных так или иначе с суфийским орденом данного святого. Это могут быть и сообщества особых певцов — каввалов, исполняющих из поколения в поколение *каввали* в одной и той же гробнице, с которой связана их семья, и семьи родственников и последователей святого⁶⁰. К примеру, в городе Фатехпур-Сикри, где находится гробница крупного святого Салима Чишти, потомки святого в шестнадцатом поколении и семья каввалов, связанная с гробницей с момента ее основания, по-прежнему проживают в непосредственной близости от даргаха — ныне крупного туристического центра⁶¹. Особое значение в жизни гробницы имеет урс — годовщина смерти святого, обширные программы в честь которой, как правило, делятся несколько дней. Как мы наблюдали в городе Сикри во время урса Больболя Шаха, все близлежащее к гробнице пространство на несколько километров превращается в огромную ярмарку с аттракционами и рынками⁶². Так местные предприниматели используют возможность заработать во время наплыва паломников, которые остаются в городе на несколько дней (ил. 2). Для паломников характерно посещать даргахи разных святых. Каввалы и некоторые служители гробниц также перемещаются от одного даргаха к другому во время урсов. Таким образом, даргахи не только выполняют роль экономических, религиозных и культурных центров, но и являются некоторыми опорными пунктами, между которыми в течение года перемещаются массы паломников.

⁶⁰ Подробнее о сообществах каввалов см. в: Киняева А. В. Кто такие каввалы: традиция каввали в Северной Индии и ее хранители // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2023. № 4. С. 76–87.

⁶¹ ПМА, ноябрь 2024 года, Фатехпур-Сикри.

⁶² ПМА, ноябрь 2024 года, Сикри.

Ил. 2. Ярмарка в городе Сикри во время урса к гробнице Хазрата Сабри Больболя. Фото А. В. Киняевой

Заключение

Как видно из вышеприведенных примеров, топография пространства, связанного с духовными и религиозными традициями мусульман Северной Индии, представлена историческими и новыми пространствами. С одной стороны, новые мусульманские районы быстро обрастают особой религиозной инфраструктурой, что можно наблюдать на примере района Абуль-Фазль в Дели; с другой стороны, сам район Абуль-Фазль частично обязан своим ростом крупному образовательному центру, исторически связанному с мусульманской культурой,— Джамии Миллии Исламии.

Крупные образовательные центры и медресе наравне с важными религиозными центрами, такими как гробницы, имамбары и мечети, места погребения не только притягивают мигрантов

из других районов и регионов, но и удерживают сообщества в местах их исторического проживания. Это можно наблюдать на примере Джамии Миллии в Дели, Алигархского университета в Алигархе и Дар-уль-Улюм в Деобанде. Помимо стимуляции роста мусульманских районов, некоторые локусы, в частности гробницы, играют большую роль и в ежегодных перемещениях индийских мусульман в рамках паломничеств и религиозного туризма, что можно наблюдать, к примеру, в Сикри и Дева-Шариф. Безусловно, внешние факторы, способствующие «геттоизации» мусульман, такие как напряжение между индуистами и мусульманами или между различными сообществами мусульман, сложности в поиске жилья усугубляют тенденцию к появлению и консолидации мусульманских кластеров. Тем не менее значение внутренних драйверов этих процессов — поиск особого мусульманского *махоль* (уклада, атмосферы, жизнепорядка), желание сохранить приобщенность детей к мусульманской культуре и многовековые семейные традиции — также заслуживают внимания.

Кластеризация поселений мусульман Северной Индии свидетельствует о стремлении не только к безопасности, но и к сохранению и культивации собственной идентичности. В этом процессе значительную роль играют и религиозные убеждения, и связь между индивидом и общиной, а также между общиной и конкретным географическим пространством. Одним из ключевых аспектов здесь является социализация, происходящая в рамках мусульманских сообществ. Мечети, имамбары и даргахи выступают не просто местами, имеющими ритуальное и религиозное значение, но и центрами общественной жизни, где передаются религиозные знания, культурные традиции и ценности, формируется чувство общности и принадлежности.

Важную роль играют и другие локусы, обладающие особым статусом для мусульманской общины. Так, кладбища являются не только местом погребения, но и символом памяти, центром коллективной идентичности, как в случае с кербелами Лакхнау.

Возможность получения образования в среде, благоприятной для мусульман, также крайне значима. Медресе и университеты, ориентированные на сохранение религиозных традиций мусульман, позволяют молодежи получить образование, не отрываясь от своей культурной и религиозной среды.

Историческая память и потомственная связь с определенными местами — еще один фундаментальный фактор. Многие му-

сульманские сообщества поколениями связаны с конкретными географическими локусами, обладающими сакральным значением. Яркий пример — шиитские ритуалы ашуры, выстроенные вокруг определенных маршрутов процессий в старом Лакхнау, или куль даргахов — святынищ, где покоятся останки святых. Расположение даргаха, как в случае Дева-Шарифа и многих других городов, часто определяет статус и значимость всего поселения, формируя его культурную и социальную среду. Фактически связь с конкретным святым, почитаемым в данном месте, становится основой идентичности целых сообществ. Некоторые общины, связанные с суфизмом, сохраняют свою уникальную идентичность, проживая на протяжении многих поколений рядом с гробницами. Это создает особые микромирья, где религиозные практики, традиционные ремесла, обычаи и обряды передаются из поколения в поколение, обеспечивая преемственность и сохранение традиций. Каввалы, например, часто живут рядом с такими святынищами, поддерживая музыкальные традиции, связанные с суфийским мистицизмом.

Наконец, нельзя забывать и про экономическую значимость этих мест. Помимо прочего, особая мусульманская инфраструктура создает рабочие места и возможности для развития малого бизнеса, обслуживающего нужды живущих здесь сообществ. Это, в свою очередь, способствует экономическому развитию мусульманского общества. Взаимодействие всех этих факторов — от социализации и духовных практик до экономической деятельности — создает сложную и многогранную картину формирования и поддержания локальных мусульманских поселений Северной Индии. В современной Индии вопрос поиска «своего места» мусульманами стоит особенно остро в свете принятия в апреле 2025 года поправки к Закону о вакфе (The Waqf (Amendment) Act), потенциально ставящей под угрозу локусы, создающие и сохраняющие мусульманский *махоль*.

Библиография /References

Полевые материалы

ПМА, ноябрь 2024 года, Алигарх.

ПМА, июль-август 2023 года, Дева-Шариф.

ПМА, июль-август 2023 года, Дели.
 ПМА, ноябрь 2024 года, Дели.
 ПМА, ноябрь 2024 года, Деобанд.
 ПМА, июль-август 2023 года, Лакхнау.
 ПМА, ноябрь 2024 года, Сикри.
 ПМА, ноябрь 2024 года, Фатехпур-Сикри.

Литература

- Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014.
- Дюмон Л.* Homo hierarchicus: опыт описания системы каст / пер. с фр. СПб.: Евразия, 2001.
- Карачкова Е.Ю.* Диалоги с прошлым. Этноистория раджпутского княжества. М.: Изд-во «Совпадение», 2013.
- Киняева А.В.* Голос скорби: ноха, соz и марсия во время мухаррама в Лакхнау // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 240–252.
- Киняева А.В.* Кто такие каввали: традиция каввали в Северной Индии и ее хранители // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 4. С. 76–87. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-76-87, EDN: TCTUFD
- Котин И.Ю.* Ислам в Южной Азии. Мечом и молитвой. СПб.: Петербургское востоковедение – Азбука, 2005. EDN: ZRKDAT
- Суворова А.А.* Мусульманские святые Южной Азии XI–XV веков. М.: Изд-во ИВ РАН, 1999.
- Суворова А.А.* Ностальгия по Лакхнау. М.: АО «Тадем», 1995. EDN: XCNLFJ
- Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригарина. М.: Алетейя, Энигма, 1999.
- Chelkowski, P.J. (2010) “From the Sun-Scorched Desert of Iran to the Beaches of Trinidad: Ta ‘ziyeh’s Journey from Asia to the Caribbean”, in P.J. Chelkowski (ed.) *Eternal Performance: Ta ‘ziyeh and Other Shiite Rituals*, pp. 399–420. Calcutta: Seagull.
- Galonnier, J. (2011) “Aligarh: Sir Syed agar and Shah Jamal, Contrasted Tales of a ‘Muslim’ City”, in J. Christophe, G. Laurent (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 129–158. New York: Columbia University Press.
- Gayer, L., Jaffrelot, C. (2011) “Introduction: Muslims of the Indian City. From Centrality to Marginality”, in J. Christophe, G. Laurent (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 1–22. New York: Columbia University Press.
- Gayer, L. (2011) “Safe and Sound: Searching for a ‘Good Environment’ in Abul Fazl Enclave, Delhi”, in J. Christophe, G. Laurent (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 213–236. New York: Columbia University Press.

- Hasnain, N. (2016) *The Other Lucknow: An Ethnographic Portrait of a City of Undying Memories and Nostalgia*. India: Vani Prakashan.
- Hyder, S.A. (2006) *Reliving Karbala: Martyrdom in South Asian Memory*. Oxford & New York: Oxford University Press.
- Menon, M. (2010) “Chronicle of Communal Riots in Bombay Presidency (1893–1945)”, *Economic and Political Weekly* 45 (47): 63–72.
- Menon, K.D. (2022) *Making Place for Muslims in Contemporary India*. India: HarperCollins.
- Syed, J., Pio, E., Kamran, T., Zaidi, A. (eds) (2016) *Faith-Based Violence and Deobandi Militancy in Pakistan*. Palgrave Macmillan.
- Verniers, G. (2011) “A Minority within a Minority: the Shias of Kashmiri Mohalla, Lucknow”, in J. Christophe, G. Laurent (eds) *Muslims in Indian Cities: Trajectories of Marginalisation*, pp. 105–128. New York: Columbia University Press.
- Yoginder, S. (2004) “Shared Hindu-Muslim Shrines in Karnataka: Challenges to Liminality”, in I. Ahmad, H. Reifeld (ed.) *Lived Islam in South Asia: Adaptation, Accommodation and Conflict*, pp. 166–186. Delhi: Social Science Press.